

КОНЦЕПЦИЯ НЕОМОДЕРНА: НОВЫЕ РАМКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО БЫТИЯ. Ближневосточный кейс ^{1*}

NEO-MODERNITY: A NEW FRAMEWORK FOR POLITICAL REALITY. THE MIDDLE EASTERN CASE*

© 2020 **Кузнецов Василий Александрович**

кандидат исторических наук, доцент Восточного факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия; vasiakuznets@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-3646-4037

Vasily A. Kuznetsov

PhD (History), Associate Professor of Faculty of Oriental Studies, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow; vasiakuznets@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-3646-4037

Статья посвящена исследованию возможностей рассмотрения неомодернизма как рамочной концепции для изучения политических процессов на Ближнем Востоке. В первой части статьи автор рассматривает саму концепцию неомодерна, полагая, что в самом общем виде явление неомодерна

может быть описано как новый способ отношения к реальности, сформировавшийся в лоне постмодернизма и как реакция на его тотализирующую критику. На основе сопоставительного анализа основных текстов, авторы которых обращались к понятию «неомодерн», выводят

¹ * Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

* The article was executed at the State Academic University for the Humanities (GAUGN) according to the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. FZNF-2020-0001 «Historical and Cultural Traditions and Values in the Context of Global History»).

ся ключевые черты этого явления: преодоление постмодернистской фрагментированности, проблематизация ценностей и смыслов, возвращение к метанарративам. Транслируясь в политическую сферу, эти черты находят в ней пять ключевых проявлений: поиск новых политических единств, рост запроса на проекты будущего и идеологию, формирование новой политической мифологии (как отдельных мифологем, так и новых мифологических комплексов), использование постмодернистского инструментария в политической практике, осознание принципиальной неустойчивости текущего положения дел.

Во второй части статьи выделенные черты применяются к конкретной ближневосточной политической реальности регионального, странового и общественного уровней. Показывается поиск новых региональных, субрегиональных и национальных единств, формирование новых идеологий, зачастую непосредственно связанное с попытками разработки новых стратегий национального развития, появление (а иногда преднамеренное конструирование) новых элементов политических мифологий и т. д.

Ключевые слова: неомодерн, постмодерн, Ближний Восток, арабский мир, ислам

Для цитирования: Кузнецов В. А. Концепция неомодерна: новые рамки политического бытия. Ближневосточный кейс. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2020. № 3–4. С. 27–43. DOI: 10.18254/S268684310012374-9

This paper explores the possibility of considering neo-modernism as a framework concept

for studying political processes in the Middle East. The study starts with an analysis of the notion of neo-modernity as a new way of treating reality that emerged out of postmodernism as a reaction to its totalizing criticism. A comparative analysis of the main publications on the matter has revealed key features of neo-modernism: the ability to avoid postmodern fragmentariness, problematization of values and meanings, and return to metanarratives. In the political realm, these features manifest themselves in five ways: the search for new political unities; the growing demand for projects of the future and for ideology; the creation of a new political mythology; the use of postmodern tools in political practice; and awareness of the fundamental instability of the current state of affairs. The main features of neo-modernism have been scrutinized with reference to the specific Middle Eastern political reality at the regional, national, and social levels. This approach has revealed the search for new regional, subregional, and national unities in the Middle East, as well as the creation of new ideologies, often directly related to attempts to devise new national development strategies, and the emergence (and sometimes deliberate engineering) of new elements of political mythologies.

Key words: neo-modernity, postmodernity, the Middle East, the Arab world, Islam

For citation: Vasily A. Kuznetsov. A New Framework for Political Reality. The Middle Eastern Case. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2020. No. 3–4. Pp. 27–43. DOI: 10.18254/S268684310012374-9

Настоящая статья посвящена исследованию возможностей применения неомодернистского подхода к исследованию политических процессов на Ближнем Востоке. Тематически и методологически она представляет собой продолжение опубликованной год назад другой статьи автора — “Western Asia and North Africa in

the Neo-Modernity Context”², а также нескольких более ранних работ. Как и в этих публикациях, мы постараемся решить две параллельные задачи: с одной стороны, добавить новые штрихи к самой концепции неомодерна, с другой — применить ее к анализу текущих политических процессов на Ближнем Востоке.

2 Kuznetsov V. Western Asia and North Africa in the Neo-Modernity Context. *Russia in Global Affairs*. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/western-asia-and-north-africa-in-the-neo-modernity-context/> (дата обращения 17.01.2020).

НЕОМОДЕРН КАК РАМОЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОВРЕМЕННОСТИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Несмотря на то что само слово «неомодерн» кажется на первый взгляд не особо оригинальным и почти ясным по значению, комплекс идей, которое оно призвано выразить, поддается описанию с большим трудом. Пожалуй, можно согласиться с отечественным исследователем А. В. Павловым, писавшим, что «то, что можно было бы назвать концепцией “неомодернизма”, в каком-то стройном или хотя бы понятном виде вряд ли существует» [Павлов, 2019, с. 195], и этим неомодерн³ принципиально отличается как от метамодерна, концептуализированного Р. Ван дер Аккером и Т. Вермюленом [Ван дер Аккер Р., Вермюлен Т., 2019, с. 39–82], так и от иных вариантов постпостмодернизма (перформатизма, альтермодернизма, диджимодернизма, автомодернизма и др.).

При всех недостатках подобной ситуации мы находим в ней очевидные плюсы — концептуальная незавершенность оставляет широкое окно возможностей для дальнейших теоретических поисков.

И все же имеет смысл провести ревизию текстов (благо их немного), авторы которых оперировали понятием «неомодерн». Оставляя в стороне комплекс узкопрофессиональных работ по архитектуре, где «неомодерн» означает определенный стиль, отличающийся стремлением

к простоте и функциональности [Ciarkowski, 2016], сосредоточимся на тех публикациях, авторы которых, даже рассуждая об отдельных культурных феноменах, все же подразумевали под неомодерном некое более широкое явление.

Всего таких текстов порядка дюжины. Первой известной мне публикацией, в которой упоминается слово «неомодернизм», была статья искусствоведа Виктора А. Грауэра «Modernism/Postmodernism/Neomodernism» (А. В. Павлов, критикуя М. Идена, заблуждается, утверждая, что А. Грауэр этого понятия не использовал [Павлов, 2019, с. 196]), опубликованная в *Downtown Review* в 1982 г.⁴ За ней с перерывом в десятилетие последовали статья американского социолога Эдварда Тирьякиана “Modernization: Exhumetur in pace” 1991 г. [Tiryakian, 1991] и его же публикация 1996 г. “Rethinking Modernization: Legacies of Parsons and Hilbert”⁵, рецензия Л. Вязмитиновой⁶ на книгу стихов Д. Воденникова “Holiday” 1999 г., два манифеста неомодернизма, опубликованные в 2000 г. западными художниками Гаем Деннингом⁷, с одной стороны, и Армандо Байрактари, Андре Дюраном и Скотом Норвудом-Виттсом⁸, с другой; монография американского социолога Дж. Александра «Смыслы социальной жизни: Культурсоциология» 2003 г., перевод которой вышел в России в 2013 г. [Александр, 2013]; монография литературоведа А. А. Житенева «Поэзия неомодернизма» 2012 г. [Житенев, 2012]; работы польских киноведов С. Рафаля и М. Стелмаха [Stelmach, 2016],

3 Здесь и далее мы не различаем понятия «неомодерн» и «неомодернизм», исходя из того что даже между понятиями «постмодерн» и «постмодернизм» не существует укоренившихся общепринятых различий.

4 Grauer V. A. Modernism/Postmodernism/Neomodernism. *Downtown Review*. 1981. Vol. 3. No. 1–2. URL: <http://doktorgee.worldzonepro.com/MODERN.htm> (дата обращения 17.01.2020).

5 Tiryakian E. A. Rethinking Modernization: Legacies of Parsons and Hilbert. *WZB Discussion Paper*. 1996. No. FS III 96–406, Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB). URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/50224/1/226540707.pdf> (дата обращения 06.10.2020).

6 Вязмитинова Л. «Мне стыдно оттого, что я родился кричащий, красный, с ужасом — в крови...». *Литературное обозрение*. 1999. № 5/6. URL: <http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/VODENNIKOV/about/about-3.html> (Дата обращения 17.01.2020).

7 Denning G. A New Critical Aesthetic. *Neomodern*. URL: https://web.archive.org/web/20070930093518/http://guydenning.org/neomodern/a_new_critical_aesthetic.htm (дата обращения 17.01.2020).

8 Bayraktari A., Durand A., Norwood-Witts S. Neomodern Manifesto. *André Durand Twenty-First Century Paintings*. URL: <http://andredurandportraits.com/pages/manifesto> (дата обращения 17.01.2020).

посвященные неомодернистскому кинематографу (2012–2016 гг.), один манифест — на этот раз отечественного — философа и культуролога А. А. Пелипенко [Пелипенко, 2016] и рецензия на него О. Ю. Глуховой [Глухова, 2016], аналитические статьи на сайте РСМД, опубликованные А. В. Картуновым⁹ и И. В. Гибелевым¹⁰ в 2017 г., а также Е. Алексеенковой¹¹ в 2016 г. (избегая этого понятия, она все же ссылается на статьи о неомодерне и с ними дискутирует), философская статья того же И. В. Гибелева «Неомодерн как возможность» 2018 г. [Гибелев, 2018] и, наконец, публицистическая статья искусствоведа Майкла Идена “Neo-Modernism: Soul Nourishing Renaissance”¹² 2018 г. Я намеренно не включаю собственные тексты в этот перечень публикаций.

При первом же просмотре этого списка в глаза бросаются некоторые особенности. Упомянутые в нем работы относятся к совершенно разным областям гуманитарного знания: философии, теоретической социологии, прикладным политическим исследованиям, литературоведению и искусствоведению. При этом первыми свет увидели тексты литературоведов и художников, затем социологов и политических исследователей, и только потом — философов (из этого ряда выбиваются ранние статьи В. А. Грауэра и Э. Тирьякиана, отставшие по времени от других публикаций и с ними почти не связанные). Очевидно, подобный порядок обусловлен не только принципиально разными жанрами публикаций (от художественного манифеста до монографии), но и спецификой различных сфер познания, требующих разного времени для осмысления реальности и производства текстов.

Если оставить в стороне стоящую особняком публикацию В. А. Грауэра, то хронологически большая часть текстов увидела свет двумя волнами: 1991–2003 гг. и 2012–2018 гг., причем авторы второй волны в большинстве своем, кажется, на творчество предшественников ориентировались мало, хотя в некоторых случаях и знали о его существовании. Здесь можно выделить несколько линий преемственности. Так, Дж. Александер упоминает статью Э. Тирьякиана, а И. В. Гибелев — А. Картунова, Е. Алексеенковой и мои собственные (по крайней мере, на сайте РСМД), хотя его последняя статья к ним никакого отношения и не имеет. Вполне вероятно, что о манифестах друг друга знали Г. Деннинг и группа художников во главе с А. Байрактари, а М. Иден читал и тех, и других. Наконец, А. А. Житенев упоминает рецензию Л. Вязмитиновой. Таким образом, мы имеем довольно типичную для сегодняшнего дня ситуацию фрагментации знания, при которой художники читают художников, социологи социологов и т. д., но никто из них не обладает общей картиной.

И те, и другие тексты, по всей видимости, были порождены ощущением коренных изменений окружающей реальности и необходимости поиска новых механизмов для ее объяснения.

Авторы первой волны эту ситуацию в полной мере осознавали. И хотя они связывали ее с разными обстоятельствами, явно или неявно она всегда соотносилась с событиями конца 1980-х — начала 1990-х гг., не только положившими конец биполярной системе международных отношений, но и заставившими художников и литераторов заново осмысливать как окружающую действительность, так и свои отношения с ней. Э. Тирьякиан, говоря о «неомодернизации», подразумевает под

9 Картунов А. В. От постмодернизма к неомодернизму, или Воспоминания о будущем. *РСМД*. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-postmodernizma-k-neomodernizmu-ili-vozpominaniya-o-budushch/?sphrase_id=33213598 (дата обращения 17.01.2020).

10 Гибелев И. Неомодерн, транзакционизм, пространство. *РСМД*. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/igor-gibelev/33615/?sphrase_id=33213598 (дата обращения 17.01.2020).

11 Алексеенкова Е. Возрождение «домодерна» *РСМД*. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozhrozhdenie-domoderna/?sphrase_id=33213598 (дата обращения 17.01.2020).

12 Eden M. Neo-Modernism: Soul Nourishing Renaissance? *Trebuchet Magazine*. URL: <http://www.trebuchet-magazine.com/neo-modernism/> (дата обращения 17.01.2020).

ней насущную необходимость возвращения к теории модернизации в свете новых мирополитических и глобальных экономических условий. Дж. Александер, в свою очередь, отмечает: «В сфере политики неомодернизм обрел... мощь... в силу того факта, что именно политические революции последнего десятилетия вновь ввели нарратив в подлинно героической форме... и самым непосредственным образом бросили вызов постмодернистскому снижению» [Александер, 2013, с. 572]. Л. Вязмитинова, рассуждая об истоках неомодерна, говорит о стремлении преодолеть «безопорность» постмодернизма и навязанную им фрагментацию авторского «я», Г. Деннинг — о забвении «эстетической чувствительности», диктате художественной политики и политкорректности (это перекликается с мыслями В. А. Грауэра), А. Дюран — о смерти искусства как такового. В общем, во всех этих текстах мы обнаруживаем одно и то же: усталость от постмодернистской игры и стремление к новой искренности, появление которой предсказывал еще В. А. Грауэр и которая потом была поднята на щит некоторыми метамодернистами¹³, в то время как другие предпочитали говорить о «постиронии» [Константину, 2019], противопоставляя ее появившейся раньше «новой искренности» [Kelly, 2010].

Авторы второй волны рассуждают несколько иначе.

А. А. Пелипенко в довольно истеричной манере, отчасти напоминая советскую агитпропаганду 1920-х гг., отчасти же — тексты маргинальных изданий радикального толка уже постсоветской эпохи, предрекает антропологическую катастрофу, если человечество не забудет о растленном постмодернизме («Долой постмодернизм в общественной жизни, политике и морали! Долой и все его дискурсы и порождения: политкорректность, мультикультурализм, пацифизм и леволиберальную идеологию» [Пе-

липенко, 2016, с. 49]) и не обратится к сформулированным авторам принципам неомодерна (то ли провокативным, то ли безумным): права человека определяются культурно-цивилизационной системой, к которой он принадлежит, насилие — нормальный язык культуры, война естественна, политкорректность — зло и т. п. [Пелипенко, 2016].

Киноведы, рассуждая о неомодернизме в узко профессиональном ключе, соотносят его с так называемым медленным кино (А. Сокуров и др.) 1990–2000-х гг., основанном на возвращении к модернистской концептуальности и саморефлексии [Stelmach, 2016, pp. 104–106]. Неомодернистский кинематограф, центрами которого стали страны, считавшиеся долгое время периферией кинопроизводства (Таиланд, Тайвань, Венгрия и др.), хотя и укоренен в локальных художественных традициях, в то же время в полной мере интегрирован в глобальную сеть художественных и экономических связей, а его художественный язык вполне универсален [Stelmach, 2016, p. 112].

Для И. Гибелева неомодерн — это «самотемпорализация человека, условием которой является ответственность разума за полагание горизонта являемости иного, осуществляется в ситуации радикальной историчности конечного сущего» [Гибелев, 2018, с. 32]. Он означает возобновление истории после ее объявленного конца, способность человека вновь стать субъектом исторического процесса.

Кинематографическому и философскому пониманию неомодерна вполне соответствует и его интерпретация М. Иденом. Назвав свою статью «Неомодерн: возрождение души», художник сосредоточил внимание на необходимости возрождения универсальных ценностей, в то же время принимая во внимание критику, «которую постмодернизм направил на своего предшественника»¹⁴.

13 Eden M. Neo-Modernism: Soul Nourishing Renaissance? *Trebuchet Magazine*. URL: <http://www.trebuchet-magazine.com/neo-modernism/> (дата обращения 17.01.2020).

14 Eden M. Neo-Modernism: Soul Nourishing Renaissance? *Trebuchet Magazine*. URL: <http://www.trebuchet-magazine.com/neo-modernism/> (дата обращения 17.01.2020).

Наконец, А. В. Кортунов, рассматривая неомодерн исключительно в международно-политическом аспекте, понимает под ним совокупность национализма, транснационализма, холизма и историзма¹⁵. Заметим, что тринадцатью годами ранее Дж. Александер рассматривал национализм как главное зло в универсалистском мире неомодерна: «...теперь “национализм” — а не традиционализм, коммунизм или “Восток” — начинает представлять собой главного противника недавно универсализированного дискурса добра. “Национализм” есть название, которое интеллектуалы и общественность все чаще дают отрицательным противоположностям гражданского общества» [Александер, 2013, с. 584].

Разнообразие и противоречивость представленных интерпретаций заставляет задаться вопросом: имеет ли смысл говорить о существовании какого-то смыслового ядра идеи неомодерна, по-разному понимающейся разными авторами, или же «неомодерн» — это всего лишь более или менее случайно выбранное слово, каждый раз призванное описывать совершенно новый, а возможно, и вовсе несуществующий феномен.

На первый взгляд, второй ответ ближе к истине. Состояние неомодерна практически у всех авторов противопоставляется состоянию постмодерна, однако и сама сущность последнего и способ противопоставления понимаются ими по-разному. В то время как одни говорят о простом отрицании постмодернизма (А. А. Пелипенко), другие (большинство) — о его преодолении, учитывающем постмодернистскую критику, третьи же — о всегда существовавшей альтернативе постмодернизму (А. А. Житенев).

Любопытно и то, что несмотря на, казалось бы, очевидную необходимость обратиться к концепции модерна, или *modernity*, рассуждая о неомодерне, это делают далеко не все. Позитивное свое содержание неомодерн обретает, прежде всего, не в модернистской традиции, а

именно в отрицании свойств, приписываемых постмодернизму.

Здесь есть несколько исключений, самое яркое из которых — А. А. Житенев, писавший: «Вопреки устоявшейся исследовательской традиции, русскую поэзию 1960–2000-х гг. сложно рассматривать в контексте постмодернизма как эстетической системы, поскольку и категориальный ряд, и эстетическая проблематика свидетельствуют лишь о ревизии исходных установок модернизма и авангарда, а не о переходе к иному типу художественного сознания. Более уместным представляется термин “неомодернизм”, акцентирующий обновление поэтической парадигмы» [Житенев, 2012, с. 467].

Этот текст демонстрирует еще один важный момент: неомодерн может интерпретироваться и как новый способ писать о реальности, и как новый способ читать уже написанное, или же как новая перспектива анализа.

Учитывая тот факт, что среди рассматриваемых текстов есть как аналитические работы, так и манифесты, мы можем выделить три основных заявленных в них подхода: неомодерн как существующая реальность, неомодерн как грядущая реальность и неомодерн как желательная реальность. Противоречия между этими подходами снимаются, если мы согласимся понимать под неомодерном не реальность *per se*, а способ отношения к ней. Иначе говоря — то, как мы читаем текст, а не то, как мы его пишем.

Несмотря на все отмеченные слабости, кажется, в концепции неомодерна все же можно выделить некое смысловое ядро: во всех рассматриваемых публикациях из раза в раз упоминаются три круга идей.

Первый связан с преодолением постмодернистской фрагментированности — текста, авторского «я» или реальности. В зависимости от того, как авторы понимают постмодернизм, они могут видеть это преодоление либо в новом универсализме (Дж. Александер), либо, напро-

15 Кортунов А. В. От постмодернизма к неомодернизму, или Воспоминания о будущем. *PCMД*. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-postmodernizma-k-neomodernizmu-ili-vozpominaniya-o-budushch/?sphrase_id=33213598 (дата обращения 17.01.2020).

тив, в партикуляризме (А. В. Кортунов), которые, впрочем, вовсе не обязательно антагонистичны друг другу. Так, А. А. Житенев отмечает:

«Для постмодернизма мир предстает как хаос, в котором в состоянии распада пребывают и субъект, и созданный им текст. Фрагментарность, осмысленная как универсальное свойство бытия, мотивирует отказ от всякого “эссенциализма”, ризоматическое построение текста, стирание ценностных и смысловых оппозиций.

В неомодернизме нелинейность высказывания связана не с фрагментарностью мира, а с идеей его многомерности. Расслоение текста репрезентирует не распад сознания, но множественность непрослеживаемых связей, исключающих последовательное развертывание в едином пространстве. Структурность высказывания тем самым сохранена, но она не охватывает текст как целое» [Житенев, 2012, с. 468].

Второй круг идей связан с проблематизацией ценностей и смыслов. Мир неомодерна — это мир возрожденных ценностей, мир, ищущий великие смыслы бытия, причем зачастую не столь важно, какие именно. Важно стремление обрести в них опору. Проблема здесь состоит не в том, что одни авторы понимают под неомодерном возвращение к универсальным ценностям эпохи модерна и идее прогресса, а другие — напротив, укорененность, почвенничество и традицию. Так или иначе, все это — разные стороны одних и тех же медалей.

Проблема в ином: в том, что постмодернистский релятивизм был философски обоснован целым рядом авторов, в частности, Ж. Ф. Лиотаром, писавшим: «Упрощая до крайности, мы считаем “постмодернизмом” недоверие в отношении метарассказов» [Лиотар, 1998, с. 10]. А раз он был обоснован, то и отмахнуться от этого релятивизма просто так нельзя.

Это выводит нас на третий круг идей — связанных с представлением о нарративах. Даже в тех случаях, когда авторы, рассуждающие о неомодерне, не говорят открыто о возрождении метарассказов, в конечном счете речь все равно неизменно идет именно об этом — достаточ-

но прочитать их тексты в логике французского постструктурализма, традиционно воспринимаемого в России как один из вариантов постмодернизма. Повествования о революции и героизме у Дж. Александра, возвращение эстетики в манифесте Г. Деннинга, гегельянство Байрактари и его единомышленников, «возрождение души» Идена и т. д., и т. п. — все это требует реанимации дискурса о нарративах.

Однако никто из рассматриваемых авторов не отвечает на вопрос, как именно можно вернуться к метарассказам, не вычеркивая из памяти интеллектуальный европейский опыт последних пятидесяти лет. Единственное возможное решение здесь, как представляется, состоит не в отказе от постмодернизма, а в использовании постмодернистского инструментария — не для того чтобы возродить былую веру в идеи революции, прогресса или безусловной красоты, но для того чтобы заново сконструировать мифы о них.

Суммирование высказанных идей подводит к мысли, что, говоря о неомодерне, мы ведем речь о некоем глобальном явлении, до сих пор еще не до конца ясном и лишь нащупываемом самыми разными авторами на протяжении нескольких последних десятилетий. В самом общем смысле это явление может быть описано как новый способ отношения к реальности, сформировавшийся в лоне постмодернизма и как реакция на его тотализирующую критику. Если посмотреть на дело с социально-политической точки зрения, то появление неомодерна было реакцией на секьюритизацию мира, наступившую после «конца истории» Ф. Фукуямы — постмодернистская безопорность принесла с собой не всеобщее благо, но всеобщее ощущение небезопасности.

Будучи глобальным явлением, неомодерн проявляется, в том числе, в политическом пространстве, где находит, как минимум, пять основных выражений.

Во-первых, преодоление фрагментированности в политике означает поиск новых единств на самых разных уровнях — общественных, национальных, субрегиональных, региональных, трансрегиональных, а также на глобальном

уровне. Это, в свою очередь, естественно подталкивает конкуренцию различных проектов — как интеграционных, так и сецессионных. В качестве примеров можно привести не только Брекзит или региональный сепаратизм в различных европейских государствах, но и интеграционные процессы на постсоветском пространстве, конкуренцию концепций АТР и ИТР в Азии, а также вновь ставший актуальным в мировой политике дискурс национального суверенитета [Ильин, 2011; Акоров, Krivokizh, 2019].

Во-вторых, проблематизация ценностей и смыслов социально-политического бытия ведет к росту запроса на новые проекты будущего. В совокупности с возвращением метарассказов это означает возвращение идеологии [Руденкин, Логинов, 2018]. Отсюда — правый и левый популизм как в Европе, так и за ее пределами [Huber, Schumpf, 2017].

В-третьих, возвращение метарассказов означает также запрос общества на формирование новой политической мифологии, на что обращал внимание еще Дж. Александер [Александер, 2013, с. 512], и что мы отчетливо видим в массовых протестных движениях по всему миру в последние десять лет.

В эпистемологическом плане возвращение метарассказов, в свою очередь, ведет к формированию нового политического языка — когда политический процесс начинает осмысляться как сосуществование и конкуренция самых разных нарративов.

В-четвертых, противоречивые отношения между нео- и постмодерном, невозможность простого забвения постмодернизма, разрушение модернистских иерархий и сосуществование различных рассказов о реальности в едином социально-политическом пространстве делают необходимым использование постмодернистского инструментария (иронии, игры) для организации этого пространства. Отсюда — концепции мира постиронии и постправды [Константину, 2019].

Наконец, в-пятых, подобная ситуация ведет к осознанию неустойчивости, промежуточности,

переходности состояния современного мира — дискурс о трансформации мирового порядка становится в нем сколь ординарным, столь и вечным. В этом плане концепция неомодерна близка идее метамодерна с ее постулированием состояния «между» [Ван дер Аккер, Вермюлен, 2019, с. 60–63].

НЕОМОДЕРН И ГОСУДАРСТВО НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Странным образом переход к состоянию неомодерна в политической сфере обозначился, быть может, в наиболее отчетливой форме не в развитых государствах Запада, на которых сосредоточивают анализ Ван дер Аккер и Вермюлен [Ван дер Аккер, Вермюлен, 2019], говоря о метамодерне, или Фредрик Джеймисон, анализируя постмодернизм как «логику позднего капитализма» [Джеймисон, 2019], а именно на Ближнем Востоке. Впрочем, удивления было бы меньше, если бы мы вспомнили, что понятия модерна и постмодернизма, по верному замечанию П. Андерсона, «родились на периферии, а не в центре культурной системы эпохи: они пришли не из Европы или США, а из Латинской Америки» [Андерсон, 2011, с. 11], а один из основоположников постмодернизма — литературный критик Ихаб Хассан — был по происхождению египтянином, сыном губернатора Эль-Мансуры времен монархии [Андерсон, 2011, с. 29–33].

Именно Ближний Восток в последнее десятилетие пережил (и все еще переживает) наиболее радикальную, многоплановую и многоуровневую трансформацию, сравнимую по своей значимости для мировой политики и глубине с событиями конца 1980-х — начала 1990-х гг. в ЦВЕ и на постсоветском пространстве. Этот же регион стал источником новых угроз, вызовов и одновременно возможностей для глобальных игроков. Известный арабский эксепционализм — этакий политический формалин Ближнего Востока — привел к сосуществованию здесь до-модерных элементов в политических культурах и системах, модернистских чаяний в социальной

жизни и постмодернистских практик управления. Вместе с тем специфическая демографическая ситуация, значительная доля фрустрированного молодого населения, одновременно интегрированного в глобальное человечество и укорененного в локальной традиции, придала обществам региона необходимый трансформационный импульс, обернувшийся где-то прогрессом, где-то трагедией, а где-то и фарсом.

Вопреки популярной точке зрения, фрагментированность Ближнего Востока — не следствие Арабской весны, а одна из ее причин¹⁶. И именно эту фрагментированность регион все последние годы пытается преодолеть. На региональном уровне это проявляется в поисках новых единств, ожесточенно конкурирующих друг с другом. Помимо собственно ближневосточного и исламистского проектов, уже описанных в предыдущей статье¹⁷, можно упомянуть еще три или четыре.

Во-первых, арабский, существующий и как конкретный геополитический проект так называемого арабского НАТО, и как идеологические построения некоторых аналитиков (эмиратских, но не только)¹⁸, мечтающих о новом издании арабского национализма, и наконец как вполне осязаемая общественная реальность, манифестирующая себя через консолидированное коллективное действие в разных странах региона — будь то Арабская весна, протесты 2019 г. в Ираке, Ливане, Египте, Судане и Алжире или участие арабских добровольцев в военизированных антисистемных движениях разного рода.

Во-вторых, это блоковые проекты — Египет-КСА-ОАЭ, Турция-Катар, Иран-Дамаск-Хиз-

балла и другие. Правда, ни один из них не оформлен институционально, в каждом есть серьезные противоречия и даже прямая конкуренция между участниками, а сотрудничество может носить ограниченный характер, не распространяясь на те или иные сферы даже региональной политики. Так, Эр-Рияд пользуется лишь ограниченной поддержкой своих внешнеполитических инициатив со стороны Каира, а ОАЭ и ИРИ, несмотря на политическое противостояние, остаются важнейшими экономическими партнерами. Все это позволяет сомневаться в устойчивости блоков, и зачастую авторы предпочитают говорить не о них, а о ситуативных альянсах. Однако вместе с тем — в основании каждой из этих региональных осей не только и не столько геополитические интересы, сколько идеология, общность нарративов и определенная близость в видении желаемого будущего.

В-третьих, это субрегиональные проекты Залива, Магриба, Благодатного полумесяца или Долины Нила, из объединения которых, собственно, и был «склеен» современный Ближний Восток в XX веке [*Ближний Восток...* 2018, с. 34–35]. Понятно, что ни Долина Нила, ни Благодатный полумесяц (название, воспринимающееся сегодня с горькой иронией) никак не организованы институционально, Совет Арабского Магриба фактически бездействует с 1994 г., а ССАГПЗ не только изначально противостоит двум крупнейшим государствам Залива — Ираку и Ирану, но и сам демонстрирует тенденции к расколу¹⁹. Вместе с тем нельзя не заметить определенной культурно-полити-

16 Middle East and North Africa Regional Architecture: Mapping Geopolitical Shifts, Regional Order and Domestic Transformation. *Methodology and Concept Papers*. 2016. No. 1. URL: https://www.iai.it/sites/default/files/menara_cp_1.pdf (дата обращения 17.01.2020).

17 Kuznetsov V. Western Asia and North Africa in the Neo-Modernity Context. *Russia in Global Affairs*. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/western-asia-and-north-africa-in-the-neo-modernity-context/> (дата обращения 17.01.2020).

18 Alrawi M. The Pan-Arabism Envisaged by My Grandfather Can Be Replaced by a New Dream. *The National*. URL: <https://www.thenational.ae/opinion/comment/the-pan-arabism-envisaged-by-my-grandfather-can-be-replaced-by-a-new-dream-1.898222> (дата обращения 17.01.2020).

19 Kinninmont J. The Gulf Divided. The Impact of the Qatar Crisis. *Chatham House*. Pp.19–28. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2019-05-30-Gulf%20Crisis_0.pdf (дата обращения 17.01.2020).

ческой и экономической общности каждого из этих субрегионов, наличия в них развитых субрегиональных идентичностей²⁰.

Наконец, в-четвертых, речь может идти о единстве странового уровня, стремления к укреплению национальных идентичностей в самых разных государствах Западной Азии и Северной Африки (ЗАСА). Здесь уместно вспомнить и про массовые движения в Ираке²¹ и Ливане²², и про антиинтервенционистский пафос алжирских протестов (их участники называли себя «внуками 1954 г.», а свой протест «делом семейным», в которое не должны вмешиваться иностранцы), и про курс на национальную консолидацию, взятый лидерами Саудовской Аравии²³, Катара²⁴, ОАЭ, Туниса и других стран.

Ничего принципиально нового в этих четырех способах самоидентификации ЗАСА нет — по большей части они здесь существовали, если и не всегда, то очень давно — по меньшей мере с конца XIX — начала XX века. И хотя в конце XX — начале XXI в. комплекс связанных с ними проблем, казалось, был снят с повестки дня, после 2011 г. он зазвучал с новой силой.

Любопытно, однако, и другое. Проблема единства не ограничивается региональным измерением — она находит яркие выражения в каждом из обществ ЗАСА, причем на всех уровнях — вплоть до личностного.

В самом деле, столь актуальный сегодня вопрос о децентрализации (*аль-лямарказийя*), стоящий

на повестке дня как урегулирования вооруженных конфликтов в Сирии, Йемене и Ливии, так и реформ управления Египта, Туниса, Алжира, Марокко и др. государств²⁵ [Abouhani, 2006] в конечном счете связан именно с поисками новых оснований национального единства в этих странах. Во всех случаях без исключения декларируемые или реально осуществляемые планы децентрализации (или федерализации) служат, если пользоваться терминологией Д. Норта [Норт, Уоллис, Вайнгайт, 2011], инструментом расширения господствующей коалиции и допуска к ренте ранее отстраненных от нее групп.

Если посмотреть на государства, далеко продвинувшиеся по этому пути (прежде всего, на Ирак или Ливию), то можно увидеть, что вслед за получением широкой автономии отдельными регионами страны, проблема единства переносится уже на уровень этих регионов. Это противостояние Эрбиля и Сулеймании в Иракском Курдистане, противоборство различных шиитских сил на юге страны, соперничество Мисураты и Зинтана в Ливии²⁶ и т. д. При этом, события 2019 г. показали, что указания на фрагментацию всего и вся недостаточно для описания реального положения — во всех случаях без исключения речь идет о поиске новых оснований для единства, и потому локальные идентичности соперничают с региональными и национальными.

Наконец, стремление к преодолению фрагментации обнаруживается и общественном

20 Karolak M. Gulf Countries: The Struggle for a Common Identity in a Divided GCC. *ISPI*. URL: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/commentary_karolak_16.05.2019.pdf (дата обращения 17.01.2020).

21 Shakir Karim Abd. Masar al-Iraq Alllathi nurid. *Azzaman*. URL: <https://www.azzaman.com/مسار-العراق-الذي-يندر-يدشاكركريم-عبد/> (дата обращения 17.01.2020).

22 Wimmen H. Lebanon's Revolt. *International Crisis Group*. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/eastern-mediterranean/lebanon/lebanons-revolt> (дата обращения 17.01.2020).

23 Alhusein E. Saudi First: How Hyper-Nationalism Is Transforming Saudi Arabia. *ECFR*. URL: https://www.ecfr.eu/page/-/saudi_first_how_hyper_nationalism_is_transforming_saudi_arabia.pdf (дата обращения 17.01.2020).

24 Griffin R. Qatar Carves National Identity out of Saudi-Led Blockade. *Middle East Eye*. URL: <https://www.middleeasteye.net/opinion/qatar-carves-national-identity-out-saudi-led-blockade> (дата обращения 17.01.2020).

25 Kherigi I. Devolving Power after the Arab Spring: Decentralization as a Solution. *Al Sharq*. URL: <https://research.sharqforum.org/2017/03/30/devolving-power-after-the-arab-spring-decentralization-as-a-solution/> (дата обращения 17.01.2020).

26 Lacher W., al-Idrissi A. Capital of Militias. Tripoli's Armed Groups Capture the Libyan State. *SANA Briefing Paper*. URL: <http://www.smallarmssurvey.org/fileadmin/docs/T-Briefing-Papers/SAS-SANA-BP-Tripoli-armed-groups.pdf> (дата обращения 04.10.2020).

уровне (отсюда — важность гендерной повестки в арабских общественных движениях²⁷) и на личностном, психологическом уровне как стремление преодолеть фрустрацию, связанную с метаниями молодых людей между укорененностью в традиции и стремлением к современности.

Другая черта неомодерна — это проблематизация ценностей и смыслов, в данном случае, общественно-политического бытия, и возвращение идеологии.

В идее размывания или даже исчезновения политических идеологий в постмодернистском мире ничего нового нет. Философы могут спорить о том, имеем ли мы дело с полной заменой идеологий технологиями [Гаджиев, 2016] или же с их уходом в тень политического процесса [Рубцов, 2018], но факт остается фактом — как на Западе, так и на Востоке конец XX и начало XXI века характеризовались эрозией больших идеологий, ярчайшим примером чего стал глубокий кризис традиционных политических партий не только в Европе и США, но и в других регионах²⁸. Страны ЗАСА вполне вписывались в этот общемировой тренд, причем едва ли не раньше, чем это стало западным мейнстримом. Отсутствие идеологической составляющей в протестных движениях как в 2011 г., так и позднее, казалось, было еще одним доказательством этого общего тренда.

Однако потом ситуация изменилась. Ключевой темой общественно-политической жизни всех стран Арабской весны в 2011–2013 гг. было противостояние исламистского и светского проектов развития обществ. В одних случаях оно проявлялось в соперничестве политических партий, в других — в дискуссиях о конституционных реформах, в третьих — в вооруженной борьбе. И пусть в каждом конкретном случае оно может быть описано и совсем в иных категориях — например, как борьба элит и контрэ-

лит, инструментализирующих религиозную повестку, однако факт остается фактом — вопрос об отношении религии и политики самими обществами воспринимался как ключевой в это время.

Практически во всех странах в результате был найден компромисс, а исламистские партии того или иного толка оказались интегрированы в политические системы. Это относится даже к Египту, где движение Братьев-мусульман после 2013 г. было криминализовано, однако другие исламистские партии, такие, как ан-Нур, напротив, оказались верными союзниками нового политического режима. Вопрос о цивилизационном выборе не решился окончательно (и вряд ли такое вообще возможно), однако на какое-то время был снят с повестки дня.

Однако возвращение идеологии на этом не закончилось. Упомянутый ранее курс на национальную консолидацию сопровождается везде и повсюду усилением националистического дискурса, что особенно сильно проявляется в религиозной политике. Обращение к национальной традиции исповедания веры становится официальной линией в Тунисе, Египте, Саудовской Аравии и других странах региона. В позитивном ключе о страновом патриотизме высказывается даже генеральный секретарь Всемирной Исламской Лиги доктор Мухаммед аль-Иса — организации, ранее считавшейся одним из основных инструментов «салафитского интернационала» [Feur, 2019, pp. 24–27]. В некоторых случаях возвращение идеологии носит явно консервирующий характер — таков пример Алжира с его все еще популярным тьермондизмом.

Другим важным элементом идеологического строительства становится разработка стратегий национального развития — вроде саудовского «Видения 2030», призванных нарисовать образ будущего для молодого поколения граждан. Эти

27 Women and Gender in Middle East Politics. *POMEPS Studies*. URL: https://pomeps.org/wp-content/uploads/2016/05/POMEPS_Studies_19_Gender_Web.pdf (дата обращения 17.01.2020).

28 Liddiard P. What Can Be Done about the Problem of Political Parties. *Wilson Center*. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/liddiard_what_can_be_done_about_the_problem_of_political_parties_september_2019_0.pdf (дата обращения 17.01.2020).

планы лишены масштабности образов, предлагавшихся великими идеологиями, однако, порожденные технократическим веком, они ему адекватны. В совокупности с националистической риторикой они создают ту идеологию, которая соответствует условиям неомодерна — не мечта о халифате, коммунизме или арабском братстве, но дорожная карта развития на ближайшие десятилетия.

Возрождение идеологических поисков, будучи политической проекцией возвращения метарасказов, означает также, как было сказано, и формирование новой политической мифологии.

Конечно, самые яркие примеры мифотворчества в последние годы в ЗАСА дал ИГИЛ (запрещена на территории РФ), лидеры, идеологи и политтехнологи которого придавали символике колоссальное значение [Bunzel, 2015, pp. 7–36]. Ошибочно думать об их обращении к символической политике исключительно в инструменталистских категориях как об использовании тех или иных образов для создания определенного имиджа. Выраженный в символах миф формировал сущность игиловской идеологии борьбы против «крестоносцев», «сионистов» и «многобожников». В сакральном мифологическом пространстве проходили самые ожесточенные бои между богословами ИГИЛ и Аль-Каиды (запрещены на территории РФ), [Vuman, Williams, 2015]. Кроме того, традиционный набор мифологем, связанный с использованием нарративов раннего ислама и арабского национализма, был обогащен новыми образами, связанными с противостоянием исламского мира агрессивному Западу — отсюда оранжевые комбинезоны узников Гуантанамо на роликах казней «неверных». Однако обращение к мифам свойственно далеко не одной этой организации.

Арабская весна в Тунисе и Египте вернула в политическое поле мифы о революции и революционном героизме, породив собственные пантеоны мучеников и героев. Самый известный из них, конечно, Мухаммед Буазизи, поджегший

себя в тунисском городке Сиди-Бу-Зид 17 декабря 2010 г. Характерно, что реальная биография молодого человека, только попав в информационное пространство, за считанные дни была мифологизирована — в ней моментально появились детали, превращавшие молодого человека в типичную жертву авторитарного режима. И вот уже никогда не учившийся в университете продавец фруктов стал считаться безработным выпускником вуза²⁹. То, что быстро названную в его честь одну из центральных площадей столицы вскоре переименовали, а мемориальную табличку с именем Буазизи демонтировали, говорит не о демифологизации его образа, а скорее о противоречивом отношении к революции, символом которой он стал.

Подобных примеров можно привести очень много — какие-то из них имели общеарабское значение, какие-то — локальное.

Потребность в новой политической мифологии, в появлении новых символов напрямую связана с персонификацией политического процесса по всему региону и с поисками исторических прототипов нынешних лидеров. С этим связано и восстановление памятника Х. Бургибе в Тунисе во время президентства Бежи Каида ас-Себси, который прямо ассоциировался с первым президентом республики; и обращение к образу Г. А. Насера при Абдельфаттах ас-Сиси в Египте [El-Nawawi, El-Masri, 2016], и со временем все чаще встречающееся обозначение Р. Т. Эрдогана как султана в мировой и региональной прессе.

Специфика новой ситуации, принципиально отличающая ее от эпохи модерна, однако, состоит в том, что различные политические метанарративы, различные идеологии и связанные с ними символы сосуществуют и конкурируют в границах единого политического пространства. Результатом этого становится, с одной стороны, невозможность формирования целостной идеологической системы, а с другой — многозначность прочтения едва ли не каждого политического символа. Их сосуществование

29 La jeunesse défie le président Zine el-Abidine Ben Ali. *France 24*. URL: <https://www.france24.com/fr/20101227-jeunesse-defie-ben-ali-contre-chomage-precarite-tunisie-police-manifestations-sidi-bouزيد> (дата обращения 17.01.2020).

оказывается возможным только при широком использовании в политике постмодернистского инструментария — иронии, игры и т. д. Любое политическое высказывание в этих условиях может быть дезавуировано, любое политическое действие может быть интерпретировано через призму самых разных нарративов, ни одна идеология не воспринимается во всей своей полноте и играет лишь ограниченную роль.

Характерным примером такой иронии можно считать привнесение религиозных элементов в политический дискурс светских сил в разных странах региона, от чего ни одна из них, тем не менее, не стала рассматриваться как менее светская. Так, Ливийская национальная армия (ЛНА), начавшая в 2019 г. наступление на юге и западе Ливии, позиционирует себя как борца с исламистами³⁰, хотя значительную ее часть составляют салафиты-мадхалиты, религиозные лидеры которых провозгласили «марш на Триполи» джихадом³¹. Вместе с тем ливийские политические партии участвовавшие в первых после свержения М. Каддафи выборах, позиционировавшие себя как либеральные и демократические, на поверку не были ни теми, ни другими и, придя к власти, начинали с шариатизации законодательства³².

Другой пример может дать политика арабских государств Залива в отношении сирийского конфликта и военной кампании России в Сирии. Ожесточенная антироссийская риторика, ставшая в какой-то момент важнейшим элементом их внешнеполитического дискурса, не поме-

шала Катару, ОАЭ и Саудовской Аравии вскоре начать сближение с Москвой, организовывать государственные визиты лидеров в российскую столицу, а затем даже пойти на аккуратное сближение с Дамаском, где вновь были открыты посольства Бахрейна и ОАЭ.

Подобная непоследовательность, примеры которой обнаруживаются как на внутривнутриполитическом, так и на международном уровне создает ощущение промежуточности, переходности текущего положения дел, однако на поверку оказывается, что эта переходность носит фундаментальный характер и не только не должна, но и не может завершиться установлением жестких систем ни на страновом, ни на региональном уровне.

Выводы

Проведенное исследование показывает одновременно возможность и дальнейшей концептуализации идеи неомодерна и ее применения к конкретной региональной реальности, правда, как первая, так и вторая перспектива требует некоторых уточнений.

Концепция неомодерна, представляющая собой одну из форм разнообразных постпостмодернизмов, в каких-то элементах оказывается близка к иным его формам — прежде всего, метамодернизму. Близка, но не синонимична. Ее своеобразие связано, во-первых, с обращением к несколько иной методологической и философской традиции (скорее континентальной,

30 Ghanmi L. LNA Says Main Islamist Militia on the Retreat. *The Arab Weekly*. URL: <https://the arabweekly.com/lna-says-main-islamist-militia-retreat> (дата обращения 17.01.2020).

31 Haftar yughazil al-salafiyun li-dukhl tarablus, wa-lakin ma-yaf'alahu ma'ahum qad yughdibu misr wa-l-imat. *Arabi Post*. URL: <https://arabicpost.net/تحليلات-شارحة/تحليلات/2019/05/14/المداخلة-السلفيين-حفتز-والسلفيين-المداخلة/>. Дата обращения 17.01.2020. Справедливости ради заметим, что религиозный дискурс использовался и противной стороной. Так, командующий бригадой ас-Сумуд (Мисурата) Ахмад бин Омран выступил против соглашений о прекращении огня, заявив, что «джихад на пути Аллаха не заканчивается, пока не достигнута полная победа». См.: Libia: brigata Al Sumud a «Nova», «nessun accordo con il criminale di guerra Haftar». Agenzia Nova. URL: <https://web.archive.org/web/20190514175601/https://www.agenzianova.com/a/5cd59c32704506.88660321/2435186/2019-05-10/libia-brigata-al-sumud-a-nova-nessun-accordo-con-il-criminale-di-guerra-haftar/linked> (дата обращения 17.01.2020).

32 Lacher W. Fault Lines of the Revolution. Political Actors, Camps and Conflicts in the New Libya. *SWP Research Paper*. Pp. 9–10. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2013_RP04_lac.pdf (дата обращения 17.01.2020).

чем англо-американской), а во-вторых, с ориентированностью на иной круг задач. В отличие от метамодернизма неомодерн не стремится описать новую «структуру чувства» — понятие, широко использовавшееся Фр. Джеймисоном и воспринятое Р. Ван дер Аккером и Т. Вермюленом. Даже если он характеризует ее тем или иным образом, не это является задачей неомодернистского подхода. Его основная цель состоит в создании новых концептуальных рамок для описания действительности, в моем случае — социально-политической.

Проецирование неомодернистского подхода на конкретную политическую реальность, как представляется, позволяет получать результаты и описывать процессы, при иных подходах, оставшиеся в тени исследовательской программы. В настоящей статье предпринята лишь одна из первых робких попыток подобного исследования. Очевидно, что дальнейшие шаги предполагают своеобразное маятниковое взаимодействие между общетеоретическими и конкретными региональными исследованиями, при котором новые результаты, полученные в одном поле, будут служить подспорьем для продвижения в другом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Александр Дж. *Смыслы социальной жизни: культуросоциология*. М.: Издательство «Праксис», 2013. — 640 с. [Alexander J. *The Meanings of Social Life. A Cultural Sociology*. Moscow: Praxis, 2013. — 640 p. (in Russian)].

Андерсон П. *Истоки постмодернизма*. М.: Территория будущего, 2011. — 208 с. [Anderson P. *The Origins of Postmodernity*. Moscow: Territoriya budushchego, 2011. — 208 p. (in Russian)].

Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. Отв. ред. В. Г. Барановский, В. В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2018. — 556 с. [The Middle East in The Changing Global Context. V. G. Baranovsky, V. V. Naumkin (Eds.). Moscow: IOS RAS, 2018. — 556 p. (in Russian)].

Ван дер Аккер Р., Вермюлен Т. Периодизируя 2000-е, или Появление метамодернизма. *Мета-*

модернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма. Под ред. Р. ван ден Аккер, Э. Гиббонс, Т. Вермюлен. М.: Рипол-Классик, 2019. С. 39–82 [Van Den Akker R., Vermeulen T. Periodizing the 2000s, or the Emergence of Metamodernism. *Metamodernism: Historicity, Affect and Depth after Postmodernism*. R. Van Den Akker, T. Vermeulen, A. Gibbons (Eds.). Moscow: RIPOLO Classic, 2019. Pp. 221–256 (in Russian)].

Вязмитинова Л. «Мне стыдно оттого, что я родился кричащий, красный, с ужасом — в крови...». *Литературное обозрение*. № 5/6, 1999 [Vyazmitinova L. I Am Ashamed that I Was Born Screaming, Red, with Horror — in Blood. *Literaturnoe Obozrenie*. 1999. No. 5/6. (in Russian)].

Гаджиев К. С. *Метаморфозы идеологий в современной мировой политике. Партийно-политические системы и политические идеологии в странах Запада в начале XXI века: факторы эволюции и направления трансформации*. Отв. ред. Э. Г. Соловьев. М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 8–14 [Gadzhiev K. S. *Metamorphoses of Ideologies in Modern World Politics. Political Party Systems and Political Ideologies in the Western Countries in the Early 21st Century: Factors of Evolution and Trends of Transformation*. E. G. Solovyev (Ed.). Moscow: IMEMO RAS, 2016. Pp. 8–14 (in Russian)].

Гибелев И. В. Неомодерн как возможность. *Концепт: философия, религия, культура*. 2018. №1 (5). С. 31–43 [Gibelev I. V. Neomodern as Opportunity. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. 2018. No. 1(5). Pp. 31–43 (in Russian)].

Глухова О. Ю. «Манифест неомодерна» А. А. Пелипенко как современная антиутопия. *Личность. Культура. Общество*. 2016. Том XVIII. № 3–4 (91–92). С. 50–56 [Glukhova O. Y. “Manifesto of Neo-Modern” by A. A. Pelipenko as a Modern Dystopia. *Person. Culture. Society*. 2016. Vol. XVIII. No. 3–4 (91–92). Pp. 50–56 (in Russian)].

Джеймисон Ф. *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. — 816 с.

[Jameson F. *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Moscow: Gaidar Institute Press, 2019. — 816 p. (in Russian)].

Житенев А. А. *Поэзия неомодернизма*. СПб.: ИНАПРЕСС, 2012. — 479 с. [Zhitenev A. A. *Poetry of Neo-modernism*. Saint Petersburg: INAPRESS, 2012. — 479 p. (in Russian)].

Ильин М. В. Структурные параметры неблагоприятного развития государств. *Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности*. Под ред. М. В. Ильина, И. В. Кудряшовой. М.: МГИМО-Университет, 2011. С. 20–46 [Ilyin M. V. Structural Parameters of Poor Development of Nations. *Asymmetry of World Sovereignty System: Areas of Problematic Statehood*. Eds. Ilyin M. V., Kudryashova I. V. Moscow: MGIMO-University, 2011. Pp. 20–46 (in Russian)].

Константину Л. Четыре лица пост-иронии. *Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма*. Под ред. Р. ван ден Аккер, Э. Гиббонс, Т. Вермюлен. М.: Рипол-Классик, 2019. С. 221–256 [Constantinou L. Four Faces of Post-Irony. *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism*. Eds. R. Van Den Akker, T. Vermeulen, A. Gibbons. Moscow: RIPOLE Classic, 2019. Pp. 221–256 (in Russian)].

Лиотар Ж. Ф. *Состояние постмодерна*. СПб.: Алетейя, 1998. — 196 с. [Lyotard J. F. *La condition postmoderne*. Saint Petersburg: Aletheia, 1998. — 196 p. (in Russian)].

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Издательство Института Гайдара, 2011. — 440 с. [North D., Wallis J., Winegast B. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Moscow: Gaidar Institute Press, 2011. — 440 p. (in Russian)].

Павлов А. В. *Философия культуры в пост-постмодернизме: критический анализ*. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. М.: Институт философии РАН, 2019. — 447 с. [Pavlov A. V. *Philosophy of Culture in Post-Postmodernism: The Critical Analysis*.

Doctoral Thesis in Philosophy. Moscow: Institute of Philosophy RAS, 2019. — 447 p. (in Russian)].

Пелипенко А. А. Манифест неомодерна. *Личность. Культура. Общество*. 2016. Том XVIII. №3–4(91–92). С. 40–49 [Pelipenko A. A. Manifesto of Neo-Modern. *Person. Culture. Society*. 2016. Vol. XVIII. No. 3–4 (91–92). Pp. 40–49 (in Russian)].

Рубцов А. В. Иллюзия деидеологизации. *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна*. Отв. ред. Гусейнов А. А., Рубцов А. В. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 114–128 [Rubtsov A. V. The Illusion of De-Ideologization. *Philosophy and Ideology: From Marx to Postmodernism*. Eds. Guseinov A. A., Rubtsov A. V. Moscow: Progress-Tradition, 2018. Pp. 114–128 (in Russian)].

Руденкин Д., Логинов А. Идеология в обществе позднего модерна: исчезновение или трансформация? *Социологическое Обозрение*. 2018. Т. 17. № 3. С. 202–205 [Rudenkin D., Loginov A. Ideology in Late Modernity: Disappearing or Transforming? *Russian Sociological Review*. 2018. Vol. 17. No. 3. Pp. 202–205 (in Russian)].

Abouhani A. Etat, systèmes et pouvoirs locaux dans le monde arabe. *Pouvoirs locaux et Systèmes municipaux dans le Monde Arabe*. Rabat: Institut National d'Aménagement et d'Urbanisme, 2006. Pp. 9–27.

Akopov S. V., Krivokhizh S. V. Symbolic Representations of “Sovereignty” in Modern Political Discourse (Comparative Analysis of Contemporary Discourse from France, USA, Russia and China). *Basic Research Program Working Papers. Series: Political Science*. No. 65/PS/2019. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2019. — 19 p.

Bunzel C. From Paper State to Caliphate: The Ideology of the Islamic State. *The Brookings Project on U.S. Relations with the Islamic World. Analysis Paper*. 2015. No. 19. — 45 p.

Byman D., Williams J. ISIS vs. Al Qaeda: Jihadism's Global Civil Wars. *The National Interest*. 2015. No. 136. Pp. 10–18.

Ciarkowski B. Non-Modern Modernity? Neomodern Architecture. *Art Inquiry. Recherches sur les arts*. 2016. Vol. XVIII. Pp. 87–97.

El-Nawawi M., El-Masri M. H. The Signs of a Strongman: A Semiotic and Discourse Analysis of Abdelfattah Al-Sisi's Egyptian Presidential Campaign. *International Journal of Communication*. 2016. No. 10. Pp. 2275–2296.

Feur S. *Course Correction: The Muslim World League, Saudi Arabia's Export of Islam, and Opportunities for Washington*. Washington: The Washington Institute for Near East Policy, 2019. — 64 p.

Huber R. A., Schimpf C. P. On the Distinct Effects of Left-Wing and Right-Wing Populism on Democratic Quality. *Politics and Governance*. 2017. Vol 5. No. 4. Pp. 146–165.

Kelly A. David Foster Wallace and the New Sincerity in American Fiction. *Consider David Foster Wallace: Critical Essays*. Ed. D. Hering. Los Angeles / Austine: Sideshow Media Group Press, 2010. Pp. 131–146.

Stelmach M. Slow Expansion. Neomodernism as a Postnational Tendency in Contemporary Cinema. *Transmissions: The Journal of Film and Media Studies*. 2016. Vol 1. No. 2. Pp. 100–117.

Tiryakian E. A. Modernization: Exhumetur in Pace. *International Sociology*. 1991. Vol. 6. No. 2. Pp. 165–180.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ / ELECTRONIC SOURCES

Алексеев Е. Возрождение «домодерна». *PCMД* [Alekseenkova E. Revival of “Premodern”. *RIAC* (in Russian)]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozrozhdenie-domoderna/?sphrase_id=33213598 (дата обращения: 17.01.2020).

Гибелев И. Неомодерн, транзакционизм, пространство. *PCMД* [Gibelev I. Neo-Modern, Transactionism, Space. *RIAC* (in Russian)]. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/igor-gibelev/33615/?sphrase_id=33213598 (дата обращения: 17.01.2020).

Кортунов А. В. От постмодернизма к неомодернизму, или Воспоминания о будущем. *PCMД* [Kortunov A. V. From Post-Modernism to Neo-Modernism. *RIAC* (in Russian)]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-postmodernizma-k-neomodernizmu-ili->

[vospomnaniya-o-budushch/?sphrase_id=33213598](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-postmodernizma-k-neomodernizmu-ili-) (дата обращения: 17.01.2020).

Alhusein E. Saudi First: How Hyper-Nationalism Is Transforming Saudi Arabia. *ECFR*. URL: https://www.ecfr.eu/page/-/saudi_first_how_hyper_nationalism_is_transforming_saudi_arabia.pdf (дата обращения: 17.01.2020).

Alrawi M. The Pan-Arabism Envisaged by My Grandfather Can Be Replaced by a New Dream. *The National*. URL: <https://www.thenational.ae/opinion/comment/the-pan-arabism-envisaged-by-my-grandfather-can-be-replaced-by-a-new-dream-1.898222> (дата обращения: 17.01.2020).

Bayraktari A., Durand A., Norwood-Witts S. Neomodern Manifesto. *André Durand Twenty-First Century Paintings*. URL: <http://andredurandportraits.com/pages/manifesto> (дата обращения: 17.01.2020).

Denning G. A New Critical Aesthetic. *Neomodern*. URL: https://web.archive.org/web/20070930093518/http://guydenning.org/neomodern/a_new_critical_aesthetic.htm (дата обращения: 17.01.2020).

Eden M. Neo-Modernism: Soul Nourishing Renaissance? *Trebuchet Magazine*. URL: <http://www.trebuchet-magazine.com/neo-modernism/> (дата обращения: 17.01.2020).

Ghanmi L. LNA Says Main Islamist Militia on the Retreat. *The Arab Weekly*. URL: <https://thearabweekly.com/lna-says-main-islamist-militia-retreat> (дата обращения: 17.01.2020).

Grauer V. A. Modernism/Postmodernism/Neomodernism. *Downtown Review*. 1981. Vol. 3. No. 1–2. URL: <http://doktorgee.worldzonepro.com/MODERN.htm> (дата обращения: 17.01.2020).

Griffin R. Qatar Carves National Identity out of Saudi-Led Blockade. *Middle East Eye*. URL: <https://www.middleeasteye.net/opinion/qatar-carves-national-identity-out-saudi-led-blockade> (дата обращения: 17.01.2020).

Haftar yughazil al-salafiyun li-dukhl tarablus, walakin ma-yaf'alahu ma'ahum qad yughdibu misr wal-imarat. *Arabi Post*. URL: <https://arabicpost.net//حقتروالسلفيين-المداخلة/2019/05/14/تحليلات-شارحة/amp/> (дата обращения: 17.01.2020).

Karolak M. Gulf Countries: The Struggle for a Common Identity in a Divided GCC. *ISPI*. URL:

https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/commentary_karolak_16.05.2019.pdf (дата обращения: 17.01.2020).

Kherigi I. Devolving Power after the Arab Spring: Decentralization as a Solution. *Al Sharq*. URL: <https://research.sharqforum.org/2017/03/30/devolving-power-after-the-arab-spring-decentralization-as-a-solution/> (дата обращения: 17.01.2020).

Kinninmont J. The Gulf Divided. The Impact of the Qatar Crisis. *Chatham House*. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2019-05-30-Gulf%20Crisis_0.pdf (дата обращения: 17.01.2020).

Kuznetsov V. Western Asia and North Africa in the Neo-Modernity Context. *Russia in Global Affairs*. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/western-asia-and-north-africa-in-the-neo-modernity-context/> (дата обращения: 17.01.2020).

La jeunesse défie le président Zine el-Abidine Ben Ali. *France 24*. URL: <https://www.france24.com/fr/20101227-jeunesse-defie-ben-ali-contre-chomage-precarite-tunisie-police-manifestations-sidi-bouزيد> (дата обращения: 17.01.2020).

Lacher W. Fault Lines of the Revolution. Political Actors, Camps and Conflicts in the New Libya. *SWP Research Paper*. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2013_RP04_lac.pdf (дата обращения: 17.01.2020).

Lacher W., al-Idrissi A. Capital of Militias. Tripoli's Armed Groups Capture the Libyan State. *SANA Briefing Paper*. URL: <http://www.smallarmssurvey.org/fileadmin/docs/T-Briefing-Papers/SAS-SANA-BP-Tripoli-armed-groups.pdf> (дата обращения: 04.10.2020).

Libia: brigata AlSumud a «Nova», «nessun accordo conilcriminediguerraHaftar». *AgenziaNova*. URL:

<https://web.archive.org/web/20190514175601/https://www.agenzia-nova.com/a/5cd59c32704506.88660321/2435186/2019-05-10/libia-brigata-al-sumud-a-nova-nessun-accordo-con-il-criminale-di-guerra-haftar/linked> (дата обращения: 17.01.2020).

Liddiard P. What Can Be Done about the Problem of Political Parties. *Wilson Center*. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/liddiard_what_can_be_done_about_the_problem_of_political_parties_september_2019_0.pdf (дата обращения: 17.01.2020).

Middle East and North Africa Regional Architecture: Mapping Geopolitical Shifts, Regional Order and Domestic Transformation. *Methodology and Concept Papers*. 2016. No. 1. URL: https://www.iai.it/sites/default/files/menara_cp_1.pdf (дата обращения: 17.01.2020).

Shakir Karim Abd. Masar al-Iraq Alllathi nurid. *Azzaman*. URL: <https://www.azzaman.com/مسار-العراق-الذي-نزىد-شاكىر-كريم-عبد/> (дата обращения: 17.01.2020).

Tiryakian E. A. Rethinking Modernization: Legacies of Parsons and Hilbert. *WZB Discussion Paper*. 1996. No. FS III 96–406, Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB), Berlin URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/50224/1/226540707.pdf> (дата обращения: 06.10.2020).

Wimmen H. Lebanon's Revolt. *International Crisis Group*. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/eastern-mediterranean/lebanon/lebanons-revolt> (дата обращения: 17.01.2020).

Women and Gender in Middle East Politics. *POMEPS Studies*. URL: https://pomeps.org/wp-content/uploads/2016/05/POMEPS_Studies_19_Gender_Web.pdf (дата обращения: 17.01.2020).

